
ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

ФЕДЕРАЛИЗМ И ДИКТАТУРА ВЛАСТИ:
ПРАВОВАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ И УЧЕНИЕ ИВАНА ИЛЬИНА

© 2015 г. Николай Михайлович Добрынин¹

Аннотация: в работе на основе результатов анализа научно-философского наследия И.А. Ильина излагаются авторские размышления о государственно-правовом устройстве современной России. Автор поддерживает взгляды видного ученого и мыслителя первой половины XX в. и акцентирует внимание на ключевых вопросах укрепления правовых основ российской государственности на почве формирования необходимого уровня индивидуального и массового правосознания. Отмечается значимость адекватной легитимации государственной власти и демократических ценностей у населения. Особенно подчеркивается важность неотложности дальнейшего укрепления власти в контексте задач российского федерализма и стоящих перед ним вызовов. В работе проводится анализ взглядов И.А. Ильина в сопоставлении со сравнимыми концепциями, имевшими место в истории развития политико-правовых учений, в частности с точками зрения Н. Макиавелли и Т. Гоббса. Делается вывод о том, что взгляды И.А. Ильина в действительности не имеют того негативного оттенка, который свойствен многим классическим доктринам этатизма и государственного патернализма, а напротив, проникнуты идеей глубины нравственных оснований права и всего государственно-правового устройства общества, обращены в будущее и потому крайне актуальны для современного этапа государственно-правового развития России.

Annotation: the research is based on the results of analysis performed upon the scientific and philosophic legacy of Ivan Iliin, and it represents the author's reflections on the issues of the statehood and legal system of today's Russia. Supporting the views expressed by the authoritative scientist and thinker in the first half of 20th century, author highlights the basic issues of the legal development for the contemporary statehood of Russia on the ground of achieving the necessary level of individual and mass sense of justice. Author notes the significance of adequate and appropriate legitimation of public authority and ideas of democracy by the people. He underlines especially the importance of improvement of the public authority system in the context of the Russian federalism's mission and the challenges which this federalist system faces now. The research contains the results of comparative analysis for the relevant doctrines, which one could yet derive from the history of political and legal studies, and for the views of Machiavelli and Hobbes in particular. Author argues that the views of Ivan Iliin have really none of that negative aspects which are peculiar for the many classic doctrines of statism and state paternalism, but, vice versa, his study is based on the ideas of deep moral roots of Law and statehood as a whole, looking to the future and, thus, have an extremely high topicality in the context of contemporary stage of the legal and political development of Russia.

Ключевые слова: правосознание, легитимация, сильная власть, федерализм, корпоративность, правовая солидарность.

Key words: sense of justice, legitimation, potent authority, federalism, corporationism, legal solidarity.

Период истории России начала 2000-х годов был ознаменован преодолением в значительной степени культурных, политических, социально-экономических кризисных явлений, связанных с переходом от советского государственно-общественного строя к новому демократическому укладу. В этих условиях, естественным образом, возник вопрос о выборе курса дальнейшего развития страны, укрепления и совершенствования основ российской государственности и общественного бытия в целом, которые получили свое закрепление в Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

Одним из наиболее ярких ориентиров, как представляется, во многом обусловивших выбор руководством страны политического и идеологического вектора, является научное и творческое наследие видного русского философа и ученого Ивана Ильина², отвергнутое советской властью и преданное забвению. Однако то, что политико-социальный курс современной России был сориентирован на идеи И.А. Ильина, не обусловлено само по себе лишь отрицанием советской модели государственного и общественного строительства на основе обращения к дореволюционным, консервативным воззрениям.

¹ Профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук (E-mail: belyavskaya@partner72.ru).

² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25 апреля 2005 г. // Росс. газ. 2005. 26 апр.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. // Там же. 2006. 11 мая; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. // Там же. 2014. 5 дек.

Произведения И.А. Ильина поражают не только своей глубиной и пронизательностью, но и тем, что, будучи созданными в первой половине XX столетия, они с необыкновенной точностью отражают те события, с которыми столкнулось государство на историческом рубеже перехода от советского строя к новому – *строю современной России*. Выводы же, сделанные автором, не опровергаются, а напротив, находят свое подтверждение и в наши дни, когда научное сообщество располагает значительно более широким методологическим инструментарием.

Ценность идей И.А. Ильина в содержательном ключе состоит в том, что государство в целом, а также внутригосударственные и межгосударственные отношения и связи (включая создание и реализацию норм позитивного права) ученый ставит на “рациональную” основу, т.е. на правосознание конкретного индивида, групп индивидов, общества. Правосознание, в свою очередь, выражает восприятие и понимание индивидом естественно-правовых начал, справедливости, общей цели, объединяющей их в различные сообщества.

Особую значимость представляют учения И.А. Ильина о власти и форме государства, и прежде всего о федерализме, в контексте рассуждений автора о будущем России. В преломлении сквозь призму современных реалий эти идеи, вне сомнения, являются весьма перспективными в качестве теоретико-правового и идеологического базиса для эффективного построения российской государственности.

Ниже излагаются авторские размышления и представлена наша попытка анализа ключевых идей И.А. Ильина *во взаимосвязи с современными реалиями неотложности совершенствования федерализма на фундаменте сформированной в государстве сильной власти, не тоталитарной, но авторитарной установленной в государстве диктатуры власти, не жестокой, но жесткой утвержденной в государстве полной власти, решения которой принимаются не произволом, но правом, а сущность такой власти – диктатура лучших и диктатура лучшего*.

Правосознание как основа государства и права

Одно из центральных мест в научном наследии философа и юриста И.А. Ильина занимает учение о правосознании. Так, ученый пишет: “*Вся история человечества должна быть рассмотрена при свете такого (духовно-здорового. – Н.Д.) право-*

*сознания, как его история, как длинный ряд его побед и поражений. Вся история политических учреждений предстает в виде пантеона его жизненных воплощений. Вся история политических учений осмысливается как великое, общечеловеческое искание его адекватной формулы. При свете нормального правосознания вновь и по-новому раскрываются предметное единство человеческого рода, преемство его волевой культуры, созревание его духовного самосознания”*³.

Правосознанию И.А. Ильин придавал особое значение и особую роль в качестве жизненной среды для государственно-правовых явлений. Свое видение автор противопоставлял концепции о “*внешней*” природе права и государства, отмечая при этом, что «должна быть усмотрена и усвоена их “*внутренняя*”, душевно-духовная сущность. Право только “*проявляется*” во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается человеческая душа, в которой оно выступает с силой объективной ценности. Государство в своем осуществлении “*предполагает*” наличность множества телесно разъединенных людей, теорий и внешних вещей; но именно человеческая душа остается той средой, в которой зарождается, зреет, протекает – и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства как единого целого. <...> Усмотреть наличность, достоинство и компетентность нормального правосознания – значит найти путь для разрешения всех основных жизненных затруднений, вытекающих из природы права и создающих немало теоретических споров и даже “*антиномий*” в юридической науке»⁴.

В обоснование последнего из представленных тезисов И.А. Ильин приводит ряд аргументов.

Во-первых, по И.А. Ильину, правосознание является связующим звеном между “*внешним порядком*” и “*внутренними состояниями духа*”, средством создания “*внешнего порядка*” через “*внутреннюю упорядоченность души*”. “*Оно (право. – Н.Д.), – утверждает автор, – живет правосознанием и исполняет свое значение тем лучше, чем правосознание зреее и совершеннее*”⁵.

Во-вторых, по мнению И.А. Ильина, правосознание – та призма, преломляясь через которую, абстрактные правовые нормы получают свою справедливую реализацию: “*Восприятие конкретной данности должно быть актом художест-*

³ *Ильин И.А.* О сущности правосознания / Подготовка текста и вступит. ст. И.Н. Смирнова. М., 1993. С. 234.

⁴ Там же. С. 211, 229.

⁵ Там же. С. 229.

венной справедливости; понимание отвлеченного правила должно покоиться на созерцании безусловной цели права... Но акт художественной справедливости и созерцание безусловной цели права могут быть доступны только нормальному правосознанию”⁶.

В-третьих, аргумент, предлагаемый И.А. Ильиным, по своему смыслу сводится к тому, что духовно-здоровое, творческое правосознание является носителем основных духовных ценностей, которые присущи естественному праву. Ученый ведет речь о “творческом признании права” – таком признании, “которое действительно усматривает его духовное достоинство, соблюдает свободу признающего духа и в то же время вливает энергию личной воли в преобразование положительного права; это признание получает значение правотворчества: обновление права родится из той самой глубины, которая усматривает и знает его безусловное достоинство, так что признание получает форму борьбы за право, а борьба за новое право не колеблет духовного признания”⁷.

В-четвертых, в здоровом и верном правосознании И.А. Ильин усматривает связующую силу, обеспечивающую органическое единство автономии, присущей природе человеческого духа, с одной стороны, и гетерономного порядка властвования – с другой. “Отвергнуть автономию личного духа, – утверждает И.А. Ильин, – значит, нарушить цель права и подорвать его жизненную силу, отвергнуть власть, значит, разрушить средства, необходимые для этой цели, и пути, по которым эта сила идет к осуществлению... Индивидуальный дух должен влить свою автономию в строение и деятельность власти; а власть должна усмотреть в духовной автономии форму своего бытия, принцип своей жизни и цель своего дела”.

В-пятых, по мнению И.А. Ильина, право, представляя собой по своей природе “явление духовной солидарности, связующей человека с человеком.., может существовать и действовать в жизни людей только тогда, если они чувствуют и понимают свою солидарность, т.е. не только сходство своих эгоистических влечений, но свою одинаковую заинтересованность в поддержании единого и общего всем порядка”⁸. Именно поэтому задача людей, обладающих здоровым и зрелым правосознанием, видится И.А. Ильину в том, чтобы превращать всякий компромисс, достигнутый в ходе

социальной борьбы, в “явление правовой солидарности”.

Полагаем, что, по всей видимости, идеи правовой солидарности были сформулированы И.А. Ильиным под влиянием научного направления, сложившегося на рубеже XIX–XX вв. и получившего наименование “теория правового солидаризма”. В частности, крупнейший представитель этого направления и один из его основоположников Л. Дюги писал: “В солидарности я вижу... факт взаимозависимости, соединяющей друг с другом в силу общности потребностей и разделения труда членов одной и той же социальной группы”⁹. В силу данного обстоятельства Л. Дюги считал, что обеспечение солидарности выступает основным юридическим императивом¹⁰; в этом и прослеживается взаимосвязь взглядов И.А. Ильина с концепцией правового солидаризма.

Наконец, *в-шестых*, именно в “нормальном правосознании” И.А. Ильин видит средство практического достижения естественно-правовых идеалов “всемирного естественного братства людей” на фоне общемировых исторических процессов “замыкания разобщенных правовых организаций”, “противопоставления государства государству”, международных войн. Разрешается это затруднение через “верное понимание природы духа и природы государства: это разрешение утверждает патриотизм как верное состояние духа, как необходимую основу духовного интернационализма и как живой, действительный путь к положительно-правовой организации международного братства. Здоровое правосознание не только не отвергает государственного образа мыслей и патриотического чувства, но культивирует эти состояния как, безусловно, ценные и необходимые – не только для индивидуума, но и для государства, и не только для отдельного государства, но и для всего человечества в целом”¹¹.

Следует отметить, что в своих рассуждениях о нравственных основаниях государственно-правовой жизни И.А. Ильин проявлял удивительную прозорливость. Не имея прочной основы в морально-нравственной сфере, в духовной жизни людей, право обречено потерпеть крах, а общество – привести к потрясениям.

Представляется, что у нынешних ученых и философов понимание и осознание указанного обстоятельства становятся все более отчетливыми.

⁶ Там же. С. 230.

⁷ Там же. С. 231.

⁸ Там же. С. 232, 233.

⁹ Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. М., 1909. С. 22.

¹⁰ См.: там же. С. 25.

¹¹ Ильин И.А. Указ. соч. С. 233.

Так, Г.В. Мальцев в одной из своих последних работ с полным основанием отмечал, что «правовые элементы гораздо лучше, чем моральные, работают в механизмах социального контроля, также как и “калькулирования” жизненных успехов. Моральные обязательства считаются сегодня менее надежными, чем юридические обязанности, необходимость исполнения которых гарантируется правом, законом и судом...». Однако истинные “цели социального регулирования могут быть достигнуты лишь при скоординированном развитии систем моральных и правовых норм в едином направлении, которое определяется ценностями общества. Странно, что эту очевидную закономерность... не замечают многие современные политические деятели и законодатели, полагающие, что ослабление моральных регуляторов не такая уж большая беда, что упадок морали может быть компенсирован за счет активизации средств правового регулирования, массового принятия законов... Без морально-ценностной поддержки либо объективно действующий против морали закон ничего не исправляет, сам становится деструктивным фактором в обществе”¹².

Такую, казалось бы, простую для понимания, но в то же время крайне сложную в практической реализации мысль сформулировал еще Ш. Монтескьё, который в трактате “О духе законов” писал: “Законодатель должен сообразоваться с народным духом, поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением”¹³.

По абсолютно точному замечанию В.Д. Зорькина, можно было бы “привести множество высказываний современных философов и социологов, подчеркивающих, что право может быть действенно лишь в той мере, в какой ему удастся получить социальное признание (Пьер Бурдьё), что право должно быть способно доказать собственную легитимность в глазах граждан, обладающих во всех других отношениях разными взглядами (Юрген Хабермас) и так далее. Вряд ли кто-то будет сейчас спорить с тем, что эффективной является такая правовая система, которая обеспечивает легитимность правоустановления и правоприменения (включая толкование закона) в глазах большинства населения”¹⁴.

При нашем обращении к более ранним философским источникам обнаруживаем, что, например, А.Н. Радищев еще в XVIII в. писал: “Чем народ имеет нравы непорочнее, простее, совершеннее, тем меньше он нужды имеет в законах. Но чем больше они повреждены и удаляются простоты, тем большую нужду имеет он в законах для восстановления рухнувшего порядка”¹⁵.

Учение о государстве

Сущность и предназначение государства И.А. Ильин, как уже упоминалось выше, раскрывает через внутренний мир индивида и через его правосознание: «Государство есть нечто от духа и нечто для души. Оно есть духовное единство людей, ибо в основе его лежит духовная связь, предназначенная для того, чтобы жить в душах и создавать в них мотивы для правильного внешнего поведения. <...> Для того чтобы государство существовало в виде “внешней” общественной организации, оно должно жить в душах людей, занимая их внимание, вовлекая их интерес, постоянно заставляя их мысль работать, их волю – напрягаться, их чувство – гореть»¹⁶.

И.А. Ильин особо отмечает необходимость “духовного принятия” человеком государства как консолидирующего начала. При этом сам волевой акт принятия государства может пережить несколько стадий: от эгоистического до предметно-духовного интереса.

Примечательно и то, что, развивая идею о духовной природе государства, происхождение государства, равно как и позитивного права, И.А. Ильин связывает именно с несовершенством (“незрелым состоянием”) человеческих душ, которые в силу преобладания эгоистических начал неспособны к организации внешнего поведения на основе только лишь естественно-правовых норм. Все это, по мнению автора, ведет “к организации таких союзов, которые должны устанавливать и ограждать естественный правопорядок посредством гетерономных правил и поддерживать их блюение силою внешнего, общепризнанного, властвующего авторитета”.

Далее И.А. Ильин делает вывод: “По своей основной идее государство есть союз духовно сопринадлежащих людей, племен и наций, объединенных ради гетерономного осуществления естественного права. Это означает, что государство имеет единую, объективную и высшую цель

¹² Мальцев Г.В. Нравственные основания права. Изд. 2-е. М., 2009. С. 88, 89.

¹³ Монтескьё Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 261.

¹⁴ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 16.

¹⁵ Радищев А.Н. Избр. философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 548.

¹⁶ Ильин И.А. Указ. соч. С. 106, 108.

и что только свободное, волевое принятие этой цели делает человека воистину гражданином»¹⁷.

С этих же позиций И.А. Ильин подвергает критике теорию общественного договора: «Эта идея имеет в государственной жизни свой строгий предел, а именно: он (*“общественный договор”*. – Н.Д.) выговаривает основу человеческого правосознания, а не принцип государственной формы. Каждый из нас призван вести себя как человек, свободно обязавшийся перед своим народом к лояльному соблюдению законов и своего правового статуса..., нечто подобное этому должен пережить каждый человек в глубине своего правосознания, налагая на себя (свободно и добровольно) духовно-волевое самообязательство гражданина»¹⁸.

Свой подход к пониманию государства И.А. Ильин обозначает как *“органический”*, исходящий от человеческого духа и восходящий к национальному единству и его общим интересам. Данный подход ученый противопоставляет подходу *“механическому”*, который отстаивает человеческую инстинктивную особь, ее частные интересы и измеряет жизнь количественно и формально.

Так, характеризуя *“механическое воззрение”* (присущее, по мнению И.А. Ильина, западным демократиям), автор в качестве сущностной черты раскрываемого подхода отмечает: «Главное: “свобода”, “равенство” и “счет голосов”. Государство есть механическое равновесие частных (личных и партийных) вождений; государство строится как компромисс центробежных сил, как лицедейство политических актеров. И политика должна двигаться “по равнодействующей” (по параллелограмму сил!) взаимного недоверия и состязающихся интриг»¹⁹.

Согласно исповедуемому И.А. Ильиным – *органическому* – подходу выразить голос, подав избирательный бюллетень, может каждый. Тем не менее отнюдь не каждому дано адекватно справиться *“с бременем государственного суждения и действия”*. По Ильину, человек как живой организм, участвуя в жизни государства, сам становится *“живым органом государственного организма”*. Будучи, таким образом, вовлеченным в существо государства, человек участвует в его жизни всем: трудом, военной службой, своей лояльной волей, соблюдением законов, своим правосознанием.

Однако же И.А. Ильин данную точку зрения комментирует следующим образом: «И совсем не в том смысле, что государство, как некий тоталитарный Левиафан есть “всё во всем”, всё поглощает и всех поработывает; но в том смысле, что “ткань государственного бытия” слагается из органической жизни всех его граждан... Тоталитарное извращение есть явление сразу большое, нелепое и преступное. В государство включаются (строят его, укрепляют его, колеблют его, совершенствуют его или, наоборот, разрушают его) – все свободные, частноинициативные, духовно-творческие, внутренние настроения и внешние деяния граждан»²⁰.

Развивая эту мысль, И.А. Ильин формулирует свое представление о демократии. Так, демократическое государство в его понимании *“демократично”* в том смысле, что к своему созданию и к своей жизнедеятельности оно привлекает народ, но не по принципу *“механического”* отбора претендентов в структуры власти (в отрыве публичных прав человека от его качеств и способностей), а *“черная из народа свои лучшие силы”*. “Это означает, – пишет ученый, – что должен происходить постоянный отбор этих *лучших сил* (*курсив наш.* – Н.Д.) и что народ должен уметь верно строить свое государство”²¹. При этом универсального способа такого отбора, применимого ко всем народам и во все эпохи, не найдено; на самом деле, как считает И.А. Ильин, каждый народ на каждом историческом этапе своего развития должен сам уметь изыскать такой способ, который *“наиболее подходящ и целесообразен именно для него”*.

Весьма примечательны рассуждения И.А. Ильина о подходах к устройству государства по принципу *“учреждения”* или по принципу *“корпорации”*. Давая такую классификацию, автор исходит из того, что жизнь учреждения строится *“сверху, а не снизу”*. В основе создания и деятельности учреждения лежат задачи и принципы опеки над заинтересованными людьми. При этом по вполне понятной причине внешнее и внутреннее устройство учреждения, порядок его жизнедеятельности – это результат усилий его создателя. *“Опекаемые”* же лица не имеют никакой возможности влияния ни на уклад учреждения, ни на происходящие в нем процессы. “И поскольку государство, – рассуждает И.А. Ильин, – есть не более чем учреждение, постольку народ в нем не управляет собою и не распоряжается, а получает

¹⁷ Там же. С. 110.

¹⁸ Ильин И.А. О свободной лояльности // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. I. М., 2008. С. 251.

¹⁹ Ильин И.А. О формальной демократии // Там же. С. 394.

²⁰ Ильин И.А. Об органическом понимании государства и демократии // Там же. С. 398, 399.

²¹ Там же. С. 401.

свой порядок и все его блага... в порядке опеки, повиновения и воспитания”²².

Напротив, корпорация строится “не сверху, а снизу”. Корпорацию образуют активные и равноправные субъекты (“деятели”) на основе собственного и свободного волеизъявления в стремлении к реализации общего признаваемого интереса. У начал корпорации стоит индивидуум с его мнением, изволением и решением. В этой связи И.А. Ильин утверждает: «И поскольку государство есть корпорация “чистой воды”, постольку оно принимает и последовательно проводит принцип “все через народ”; и самые важные учреждения его, без которых ни одно государство все же не может ни жить, ни действовать, оказываются подлежащими корпоративному контролю»²³.

Каждая из обозначенных моделей в своем крайнем проявлении, по И.А. Ильину, неизбежно порождает негативные последствия, искажающие самую ее суть. Так, проведенный “последовательно до конца” принцип учреждения способен погасить социальную и политическую активность граждан, задушить свободу личности и духа и, как следствие, привести к тоталитаризму и “его каторжным порядкам”. Что же касается принципа корпорации, то его последовательная реализация разрушит всякую власть, в результате чего государство разложится и начнется анархия. “Таким образом, – пишет И.А. Ильин, – предел учреждения – тоталитарная тюрьма, предел корпорации – всеобщая анархия”²⁴.

Из подобных суждений И.А. Ильин делает весьма значимый вывод: государство “в своем здоровом осуществлении” должно совмещать в себе черты, как присущие учреждению, так и характерные для корпорации, поскольку “есть такие государственные дела, в которых необходимо властное распоряжение; и есть такие дела, в которых уместно и полезно самоуправление”²⁵.

Индикатором, отражающим оптимальную степень сочетания “учрежденческих” и “корпоративных” начал в устройстве каждого государства на определенном историческом этапе, И.А. Ильин считал опять же уровень народного правосознания. При этом к условиям жизни, в которых правосознание народа должно проявить свои индикативные свойства, ученый относил:

во-первых, территорию государства и ее размеры: чем они больше, тем необходимее сильная

власть и тем труднее проводить корпоративный строй;

во-вторых, плотность населения: чем она больше, тем легче организация страны; чем меньше она, тем необходимее начало учреждения;

в-третьих, державные задачи государства: чем грандиознее они, тем меньшему числу граждан они понятны и доступны, тем выше должен быть уровень правосознания, тем труднее корпоративный строй;

в-четвертых, хозяйственные задачи страны: с примитивным хозяйством маленькой страны может легко управиться и корпоративное государство;

в-пятых, национальный состав страны: чем он однороднее, тем легче народу самоуправляться;

в-шестых, религиозную принадлежность народа: однородная религиозность масс облегчает управление, разнородная – затрудняет;

в-седьмых, социальный состав страны: чем он первобытнее и проще, тем легче дастся народу солидарность, тем проще управление;

в-восьмых, уровень общей культуры народа и особенно уровень правосознания: чем он ниже, тем необходимее начало учреждения;

в-девятых, уклад народного характера: чем устойчивее и духовно самостоятельнее личный характер у данного народа, тем легче осуществить корпоративный строй; народ, индивидуализированный не духовно, а только биологически, и притом бесхарактерный может управляться только властной опекой²⁶.

Аксиомы власти

Формула политической власти, выведенная И.А. Ильиным, состоит в “**социально-сосредоточенном и юридически организованном**” *воздействии, влиянии воли одних – лучших и уполномоченных людей – на волю других, подчиненных, которые, в свою очередь, подчиняются властным велениям не только в силу объективного авторитета, присущего власти, но и в силу внутренних убеждений и мотивов, которые коренятся в правосознании.*

Сила является сущностным атрибутом власти, ее органическим свойством. Так, И.А. Ильин пишет: «Бессильная власть есть в логическом отношении бессмыслица, а в государственном отношении – пагубный призрак, фантом или симуляция; такая власть никому не нужна, ибо она ли-

²² Ильин И.А. О монархии и республике // Собр. соч. В 10-ти т. / Сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. Т. 4. М., 1993. С. 539.

²³ Там же. С. 540.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 539.

²⁶ См.: там же. С. 542, 543.

шена подлинной жизненной реальности..., сказать “сильная власть” все равно, что сказать “подлинная, живая власть” или “власть, соответствующая своей природе и своему назначению”..., все то, что слагает силу власти – авторитет, единство, правота цели, организованность и исполнительность понудительного аппарата, – все это образует самую основу государственного бытия»²⁷.

Государственная власть есть волевая сила, а потому, в отличие от силы физической, способ ее воздействия на подвластный субъект находится в психической, духовной плоскости. Выражение государственной власти и ее измерение связаны не только с интеллектуальными усилиями властителя, его “волевым напряжением”, но и с особым качеством внешних проявлений властвования – их “авторитетной непреклонностью”.

Соответственно, такое свойство власти неизбежно предъявляет особые требования к личности того, кому власть принадлежит: “Властвование есть тонкий, художественно слагающийся процесс общения более могучей воли с более слабой волей. Этот процесс создает незримую и невесомую атмосферу тяготения периферии к центру, многих разрозненных волей к единой, организованной, ведущей воле. *Создание такой атмосферы есть дело особого искусства, требующего не только интенсивности волевого бытия, но и душевно-духовной прозорливости, подлинного восприятия бессознательной жизни других и умения ее воспитывать* (курсив наш. – Н.Д.)”²⁸.

Государственная власть, согласно взглядам И.А. Ильина, имеет правовой характер, т.е. является “правовой силой”. Правовая сущность государственной власти обеспечивается этическим содержанием государственной воли как разновидности воли человеческой. В этой связи ученый утверждает: “Выделенная в процессе социальной дифференциации и политически организованная воля народа сохраняет свою духовную природу, свою объективную цель, свои принципы и свои мерилы. Государственная власть соблюдает свою истинную духовную природу только тогда, если она остается верна своей цели, своим путям и средствам; она получает свое священное значение только из этой последней духовной, нравственной и религиозной глубины”²⁹.

Далее, раскрывая сущность государственной власти, И.А. Ильин приводит ее основные аксиомы:

²⁷ Ильин И.А. О сущности правосознания. С. 133, 134.

²⁸ Там же. С. 134, 135.

²⁹ Там же. С. 135.

первая аксиома. *Государственная власть не может принадлежать никому помимо правового полномочия. С одной стороны, данная аксиома основывается на необходимости наличия у властителя как “законодателя естественной правоты” особой предметной и духовной компетентности. С другой (политической) стороны, данная аксиома законности государственной власти базируется на “принципе организации” государства, на его признании народом как авторитетного и объективно правового источника властных повелений и решений. “Власть, совсем лишенная правовой санкции, – утверждает И.А. Ильин, – есть юридически индифферентное явление: она не имеет правового измерения. Получить правовую санкцию она должна и от конституционного закона, и от признающего правосознания”;*

вторая аксиома. *Государственная власть в пределах каждого политического союза должна быть едина. Эта аксиома основывается на единстве основных начал естественного права: “един Дух и едина Его правота”. В политической плоскости рассматриваемая аксиома власти обосновывается И.А. Ильиным с той точки зрения, что, объединяясь (организовываясь) в государство, индивиды стремятся к единому источнику позитивного права: «Правосознание по самому существу своему не может признать одинаково “правовыми” две исключают друг друга нормы или два исключают друг друга веления. И точно так же оно не может признать одинаково “государственными” две исключают друг друга стоящие в противоборстве власти»;*

третья аксиома. *Государственная власть всегда должна осуществляться лучшими людьми, удовлетворяющими этическому и политическому цензу. Это объясняется сложностью “миссии”, предписанной настоящему властителю, о чем уже было упомянуто ранее. С точки зрения политической целесообразности И.А. Ильин данную аксиому связывает с авторитетом власти и необходимостью ее добровольного “принятия” общественным правосознанием: “Власть, лишенная авторитета, хуже, чем явное безвластие; народ, принципиально отвергающий правление лучших или не умеющий его организовать и поддерживать, является чернью; и демагоги суть его достойные вожди”;*

четвертая аксиома. *Политическая программа может включать в себя только такие меры, которые преследуют общий интерес. Государственная власть призвана служить утверждению естественного права, которое соответствует общему духовному интересу каждого гражданина, в частности,*

и народа в общем и целом. С политической точки зрения целеполагание государственных властных программ, исходя из преследования общего интереса, обеспечивает действительность и авторитет власти, делает ее центром “политического единения”;

пятая аксиома. Программа власти может включать в себя только осуществимые меры и реформы. Источником указанной аксиомы является реально стоящая перед государством задача обеспечить претворение в жизнь народа возможного “максимума естественно-правовой формы”. В политическом аспекте химеры и утопии как пункты программы государственной власти негативным образом влияют на авторитет и, соответственно, на духовную “легитимацию” власти, тем самым разлагают и губят её. В этой связи И.А. Ильин приводит следующий комментарий: “Убеждая в возможности невозможного, максималист начинает, с одной стороны, умалчать, искажать и извращать далекую идеальную цель; с другой стороны, – искажать и извращать окружающую действительность, то умалчивая о неблагоприятных явлениях, то выдумывая несуществующие и так далее. Таким образом, он вступает на путь бессознательной или сознательной политической лжи и тем самым подрывает государственное единение, ибо он нарушает необходимое доверие людей друг к другу...”;

шестая аксиома. Государственная власть принципиально связана распределяющей справедливостью, но она имеет право отступать от нее тогда и только тогда, когда этого требует поддержание национально-духовного и государственного бытия народа. Данная аксиома следует из того, что национальная духовная культура является жизненной средой для индивидуального интереса, а потому интерес этой культуры неизбежно включает в себя индивидуальный интерес. Полагаем, учитывать интересы первого без учета интереса второго не представляется возможным. Тем не менее с политической точки зрения государство, безусловно являясь целым, все же имеет самостоятельные задачи, решение которых отнюдь не всегда связано со справедливым учетом интересов всех членов и групп общества. “Водворение справедливости в общественной жизни людей, – утверждает И.А. Ильин, – является, несомненно, одной из основных задач государственной власти: это вытекает уже из самой природы права и государства. Однако реальные условия государственного существования бывают таковы, что поставление этой задачи выше всех остальных может привести государство к гибели и разложе-

нию... Государственная власть не всемогуща: она скована политической неосуществимостью и вынуждена сообразовываться с нею”³⁰.

Наше исследование взглядов И.А. Ильина на природу государства и государственной власти завершим, как представляется, весьма уместным кратким упоминанием о диаметрально противоположном – этатистски-тоталитарном подходе к рассмотрению данных феноменов, который традиционно приписывают Н. Макиавелли и Т. Гоббсу.

Так, предпосылки возникновения, удержания и развития государственной власти (и государства) они усматривают в асоциальной природе человека (от “неблагодарности и непостоянства, склонности к лицемерию и наживе” – согласно Н. Макиавелли, до естественного состояния “войны всех против всех” – Т. Гоббса). В этих условиях авторы усматривают сущность государства не в претворении некоего общего интереса, достижения общего блага, а исключительно во властном тоталитарном доминировании над обществом, в удержании общества в подчинении. Соответственно, в качестве “психологической” основы властвования Н. Макиавелли и Т. Гоббс видят страх подчиненных перед властителем (Государем, *Левиафаном – смертным Богом*), поддерживаемый репрессиями. Следует все же заметить, что оба мыслителя усматривают необходимость “принятия” власти обществом: завоевание расположения народа как основная задача государя (по Макиавелли), теория общественного договора (которой придерживался Гоббс). Однако указываемые ими мотивы признания народом государственной власти существенно разнятся с теми, о которых ведет речь И.А. Ильин.

Н. Макиавелли и Т. Гоббс, рассматривая государство как политико-социальное явление, абсолютно лишены духовных, нравственных основ, придерживаются соответствующих взглядов и относительно права³¹, сводя его суть опять же исключительно к велениям верховной воли.

И.А. Ильин между тем, давая своеобразный ответ на подобные тоталитарные воззрения на государство и право, заявляет: “В каждом из нас есть две силы, обычно противостоящих друг другу: сила инстинкта и сила духа. Инстинкт, взятый

³⁰ Там же. С. 136–138, 143, 144.

³¹ Не вдаваясь в тонкости политико-правовых учений указанных мыслителей, в рамках общей канвы размышлений, которая задана поставленной темой, следует уточнить, что в данном суждении речь идет о позитивном праве как о наиболее насущном и востребованном в обиходе государства средстве регулирования общественных отношений.

сам по себе и не обузданный духом, есть волк в человеке: он хищен, коварен и жесток... Человек, лишенный правосознания, подобен зверю и ведет себя как волк. Человек, способный только к повиновению из страха, превращается в волка, как только отпадает страх”³².

Федерализм во взглядах И.А. Ильина

И.А. Ильин, переходя к раскрытию вопросов федеративного государственного устройства, *первое*, что констатирует, – это неудовлетворительное состояние учения о федерализме, особенно той его части, которая лежит в “зоне ответственности” отечественных мыслителей. «Большинство наших доморощенных федералистов, – пишет он, – имеет лишь смутное понятие о предмете своих мечтаний: они не понимают ни юридической формы федерации, ни условий возникновения здорового федерализма, ни истории федеративной государственности. Видят во всем этом некую завершительную форму “политической свободы”, которая якобы должна всех удовлетворить и примирить; и по старой русской привычке решают: “чем больше свободы, тем лучше!”»³³.

Такой вывод ученого созвучен позиции, высказанной его коллегой по Московскому университету А.С. Яценко еще в 1912 г.³⁴: “Мы не знаем ни одной русской попытки дать хотя бы приблизительно самостоятельное построение федеративной теории”³⁵.

И.А. Ильин, анализируя юридическую природу федерации, отмечает: “В науке государственного права федерацией называется союз государств, основанный на договоре и учреждающий их законное, упорядоченное единение. Значит, федерация возможна только там, где имеется налицо несколько самостоятельных государств, стремящихся к объединению. Федерация отталкивается от множества и идет к единению и единству. Это есть процесс отнюдь не центробежный, а центростремительный. Федерация не расчленяет (не дифференцирует, не разделяет, не дробит), а сочленяет (интегрирует, единит, сращивает)”³⁶ (курсив наш. – Н.Д.).

Представленная выше концепция И.А. Ильина находит свое отражение и в суждениях современных (и весьма авторитетных) представителей науки конституционного права. Так, С.А. Авакьян, исследуя проблемы централизации и децентрализации власти во взаимосвязи с государственным устройством, утверждает: “Категория децентрализованного государства является весьма условной, поскольку создание государства – это всегда выделение таких дел, которыми должен управлять центр, это централизация руководства. Иначе говоря, централизация – синоним государства, его неотъемлемый атрибут.., сложно видеть ту черту, за которой начинается переход от децентрализации к разрушению государства”³⁷.

Исторически федерация всегда образовывалась из союза малых государств – таково, по суждению И.А. Ильина, *типичное возникновение классического федеративного государства: снизу – вверх, от малого – к большому, от множества – к единству*. Федеральные конституции устанавливают меру самостоятельности членов федерации – обычно во всем, что касается их местных дел и что не опасно для единства. Возможности союзного государства по превышению своей компетенции и вмешательству в местные дела строго ограничены.

Отсюда идея федерализма, по И.А. Ильину, получает помимо своего главного, объединяющего и центростремительного значения еще и обратный эффект – “неугасшей самобытности частей, их самостоятельности в законных пределах, их органической самодетельности в недрах большого союза”³⁸.

Классическая федерация, по мнению ученого, – это пример государства-корпорации, соединяющей в том числе посредством самоорганизации разрозненные части государства в единое целое.

Заслуживает внимания соотносимость обозначенного подхода И.А. Ильина со взглядами М.А. Бакунина, считающегося одним из основателей философии анархизма, несмотря на то что анархистское учение само по себе было для И.А. Ильина принципиально неприемлемо. В трудах М.А. Бакунина действительно присутствуют идеи уничтожения государства с предложением в качестве альтернативы принципа индивидуальной независимости и самоуправления коммун –

³² Ильин И.А. Предпосылки творческой демократии // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. 1. С. 468, 469. Примечательно также в этой связи вспомнить афоризм “человек человеку – волк”, который был использован Т. Гоббсом в одной из его работ.

³³ Ильин И.А. Что такое федерация? // Там же. С. 228.

³⁴ Работы И.А. Ильина, содержащие рассматриваемые размышления о федерализме, датированы 1949–1951 гг.

³⁵ Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 77.

³⁶ Ильин И.А. Что такое федерация? С. 228.

³⁷ Авакьян С.А. Конституционное право России. Учеб. курс. Учеб. пособие. В 2-х т. Т. 2. Изд. 5-е, перераб. и доп. М., 2014. С. 35, 37.

³⁸ Ильин И.А. Что такое федерация? С. 229, 230.

selfgovernment³⁹. Эти идеи, однако, вполне могут быть восприняты как направленные не на ликвидацию государственного управления, а на его коренное переустройство “согласно действительным потребностям и естественным стремлениям всех частей через свободную федерацию индивидов и ассоциаций, коммун, провинций и наций”⁴⁰. Иными словами, возможно небезосновательно заключить, что смысл идей М.А. Бакунина направлен на формирование системы государственного управления не “сверху”, а “снизу”.

“Единство, – рассуждает М.А. Бакунин, – становится фатальным, разрушает... процветание индивидуумов и народов всякий раз, как оно образуется вне свободы или путем насилия”. Полезным можно считать лишь то единство, “которое свободно образуется через федерацию автономных частей в одно целое с тем, чтобы это последнее, не будучи больше отрицанием частных прав и интересов, кладбищем, где насильственно хоронят всякое местное процветание, стало, напротив, подтверждением и источником всякой автономии и процветания”⁴¹. Федеральная организация снизу вверх ассоциаций, групп, общин, волостей и наконец, областей и народов – вот, по мнению М.А. Бакунина, единственное условие настоящей свободы⁴².

Вместе с тем И.А. Ильин утверждает, что федерация является отнюдь не единственным и не важнейшим способом сращения малых государств в государство крупное: “История показывает, что малые государства нередко сливались в единое большое – не на основе федерации, а на основе поглощения и полного сращения в унитарную державу (таковы, по мнению И.А. Ильина, Франция, Италия, Испания и Великобритания. – *Н.Д.*). Во всех этих случаях малые государства объединились, не федерируясь, а поглощаясь одним или сливаясь. Нации ассимилировались, и народы заканчивали период политической дифференциации и полугражданских войн унитарной политической формой. Глупо и смешно говорить, что унитарная форма уходит в прошлое. Нелепо утверждать, что все современные “империи” распадаются, ибо одни распадаются, другие возникают»⁴³.

В этой части вновь наблюдается определенная схожесть мнений И.А. Ильина и А.С. Яценко, который писал: “Мы неоднократно высказывали уже наше мнение вообще о ценности и значении федеративных форм. Являясь желанными для внесения порядка в те отношения, которые еще находятся в периоде анархии, эти формы сами по себе далеки от совершенства, они – лишь компромисс, лишь меньшее из зол. Форма федеративная вся построена на соглашениях, на взаимных уступках, очень хрупка, неустойчива, слаба... Но даже у народов, наиболее способных подчиняться закону и судебным решениям, мы видим неизбежную эволюцию к образованию унитарного государства... Рассмотрение эволюции федеративных форм и идей с достаточной ясностью нам показало, что проявление жизнеспособного федерализма есть лишь выражение роста унитарной идеи”⁴⁴.

Кроме того, полагаем важным, нельзя оставить без внимания отмечаемую в современной науке конституционного права тенденцию к выделению “пограничных” форм государственно-территориального устройства, например таких, как “региональное государство”. Так, выделяя данную форму, В.Е. Чиркин определяет ее следующим образом: это – “новая форма государственно-территориального устройства, при которой вся территория государства (а не отдельные его части) состоит из политических автономных образований (Испания, Италия, Шри-Ланка, ЮАР). Этим оно отличается и от унитарного государства (в том числе от сложного, в составе которого есть отдельные автономии), и от федерации, поскольку автономии в названных выше государствах не являются субъектами федерации”⁴⁵.

Представляется важным, возвращаясь к научному наследию И.А. Ильина, подчеркнуть, что он усматривал два различных пути возникновения крупных держав из нескольких отдельных государств: *первое* – путь договорного объединения в федерацию и *второе* – путь политического включения, экономического и культурного сращения в унитарное государство. Федерации, с точки зрения И.А. Ильина, возникшие путем федерализации унитарных государств, собственно, федерациями не являются, поскольку возникают в условиях, препятствующих созданию “корпоративных” государственных форм, а следовательно, нежизнеспособны. Для описания таких “федераций” – “мнимых, фиктивных..., не возникших в

³⁹ См.: Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. Сб. / Вступит. сл., сост., подгот. текста и примеч. В.Ф. Пустарнакова. М., 1989. С. 25.

⁴⁰ Там же. С. 96.

⁴¹ Там же. С. 19–21.

⁴² См.: там же. С. 303.

⁴³ Ильин И.А. Что такое федерация? С. 230, 231.

⁴⁴ Яценко А.С. Указ. соч. С. 780.

⁴⁵ Чиркин В.Е. Конституционное право. Курс для преподавателей, аспирантов и магистрантов. М., 2013. С. 180.

органическом порядке снизу, а искусственно и подражательно насаждавшихся сверху”, И.А. Ильин использует термин “псевдофедерации”⁴⁶.

И.А. Ильиным в качестве примера федерации приводятся США – “настоящая, юридически осмысленная и политически удачная” форма; в качестве примера псевдофедераций называются государства Латинской Америки (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Доминиканская республика, Чили).

Ученый указывает на основную причину создания псевдофедераций – желание “беспочвенного и фиктивного подражательства”: “Политические деятели в течение всего 19 века считали, что в конституции Соединенных Штатов им дан якобы идеальный образец для всех времен и народов, обеспечивающий всякой стране государственную мощь и хозяйственный расцвет. На самом деле это подражание новой моде приводило или к длительному и кровавому разложению политической и национальной жизни, или же к унитарному государству с автономными провинциями”⁴⁷.

Отсюда И.А. Ильин делает ключевой вывод о наличии у федеративного строя “необходимых государственных и духовных предпосылок”. Если же в соответствующем государстве этих жизненных предпосылок не сложилось, там, по его убеждению, введение федерации неминуемо вызовет “вечные беспорядки, нелепую провинциальную вражду, гражданские войны, государственную слабость и культурную отсталость народа”⁴⁸.

И.А. Ильин в числе жизненных предпосылок или, иными словами, “основ” федерации называл следующие:

во-первых, наличие у истоков федерации нескольких самостоятельно оформленных государств, каждое из которых является более или менее самостоятельным и готовым отстаивать свою независимость: «Политические амебы, кочевые пустыни, фиктивные “якобы-государства”, вечно мятущиеся и политически взрывающиеся общины... – не могут федерироваться... Заключать с ними договор было бы нелепым делом: они подлежат не федерации, а культурной оккупации и государственному упорядочению»;

во-вторых, стоящие у истоков федерации государства должны быть сравнительно невелики, настолько, чтобы единое, из них вновь возникающее государство “имело жизненно-поли-

тический смысл”: “Чем больше территория, чем многочисленнее население, чем разнообразнее составляющие его народы, чем сложнее и крупнее державные задачи – тем труднее осуществить федеративную форму государства... И потому есть условия, при которых требование федерации равносильно началу... расчленения”;

в-третьих, договаривающиеся государства должны реально нуждаться друг в друге – и стратегически, и хозяйственно, и политически, причем важен именно факт осознания протосубъектами федерации этой нужды: “Там, где центробежные силы превышают центростремительные, и где малые государства неспособны к объединению, там ищут спасения не в федеративной, а в унитарной форме”;

в-четвертых, наличие высокого уровня правосознания: “Есть государственные формы, осуществимые при примитивном, наивном и шатком правосознании. Так, унитарное государство гораздо меньше зависит от уровня народного правосознания, чем федеративное; авторитарное государство гораздо меньше вовлекает граждан в свое строительство, чем демократическое. Но именно поэтому федерация и демократия возможны только там, где в народе воспитано чувство долга, где ему присущи свободная лояльность, верность обязательствам и договорам, чувство собственного достоинства и чести и способность к общинному и государственному самоуправлению”;

в-пятых, федерация возможна только там, где народу присущи искусство соглашения и дар политического компромисса: «Нет их и все будет завершаться “драками новгородского веча”... (или же, соответственно, гражданскими войнами)»⁴⁹.

Таким образом, по нашему глубочайшему убеждению, контекст философских и научных взглядов И.А. Ильина очевидным и одновременно удивительнейшим образом отвечает современным реалиям российской государственности, исканиям того оптимального, разумного соотношения права, государственной власти и федеративной формы государственного устройства, которые не прекращаются в России на протяжении уже почти четверти века.

Вот почему нам видится крайне важным отчетливо представлять себе ряд важнейших принципов и идей, которые могут помочь современникам в этих исканиях, будучи почерпнутыми из богатейшего научно-философского наследия нашего

⁴⁶ Ильин И.А. О псевдофедерациях // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. С. 231.

⁴⁷ Там же. С. 232.

⁴⁸ Там же. С. 235.

⁴⁹ См.: Ильин И.А. Жизненные основы федерации // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. С. 240–243.

соотечественника, одного из ярчайших представителей отечественного государственоведения и философской мысли И.А. Ильина.

Итак, *государственная власть есть сила (диктатура), устанавливающая и поддерживающая правопорядок*. При этом власть как ретранслятор естественно-правовых ценностей в сферу общественной жизни, по И.А. Ильину, *во-первых*, должна быть приобретена исключительно политическим путем, *во-вторых*, она должна быть основана на правовых началах, и, *в-третьих*, власть должна пройти общественную “*легитимацию*”, т.е. быть признанной правосознанием индивидов, составляющих народ. Основа власти – ценности. Поэтому ценностью является и сама власть, которая, на наш взгляд, имеет “*аристократическую*” природу – является *диктатурой избранных, лучших*. Особо важно, чтобы

избрание лучших во власть происходило не механическим “*подсчетом голосов*”, а путем *органическим* – путем отобрания и продвижения наиболее лучших и достойных.

Амбициозность и масштабность задач, стоящих перед федерализмом и его составляющей – федеративной формой государственного устройства, неизбежно требуют сильной власти в федеративном государстве. “*Корпоративное*” начало, *заложенное в основу создания добровольного (по И.А. Ильину – не иначе!) федеративного союза, усложняет миссию власти в отыскании оптимального и разумного баланса между решением общифедеральных вопросов в центре и сохранением на местах самобытности образовавшихся федерацию субъектов, поскольку достойное несение этой миссии и есть залог сохранения федерации и процветания народов, её населяющих*.